

Людмила Аввясова

Не позволяй себе поверить

ОСКОЛКИ ВОЙНЫ

Людмила Аввясова

**Не позволяй себе
поверить. Осколки войны**

«Издательские решения»

Аввясова Л.

Не позволяй себе поверить. Осколки войны / Л. Аввясова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-650895-8

Война убивает жизнь, подрывает дружбу, веру, надежду. В столь страшное время сохранить себя способен далеко не каждый, но тот, кто найдёт в себе силы не поверить мраку, станет светом для других.

ISBN 978-5-00-650895-8

© Аввясова Л.
© Издательские решения

Содержание

Ущелье ста страхов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Не позволяй себе поверить Осколки войны

Людмила Аввясова

© Людмила Аввясова, 2024

ISBN 978-5-0065-0895-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ущелье ста страхов

рассказ

Амина глубоко вздохнула, поправила платок и мечтательно посмотрела в узкое окошко на тёмное, чуть порозовевшее небо. Бог Дела просыпался медленно, лениво, зевая и потягиваясь, разгоняя и вновь подкладывая под голову облака. Сегодня будет долгий, но пасмурный день. Это хорошо. Это очень славно. Она всё сможет, всё успеет. Боги на её стороне. Вот и ночь обещает быть грозной. Если ей чуть-чуть повезёт, и великий громовержец Села обрушит на горы всю свою мощь, то никто не...

Недовольное ворчание Зареты заставило девушку вернуться к работе. Амина старательно вымешивает тесто из ячменной муки, а Аймани, старшая дочь Зареты, трудится над начинкой для пирогов.

Сегодня, ближе к вечеру, мужчины, наконец, их покинут, и глава семьи вернётся только через сутки, а может и позже. Как только они исчезнут из вида, Зарета возьмёт младших детей, накажет Аймани следить за хозяйством и спустится в нижний аул к сестре Камиле, ухаживающей за больной матерью. Исмаил, муж Зареты и дядя Амины, строго-настрого запрещает жене оставлять дом, но обычно покорная женщина, тут проявляет небывалое упрямство и при первой возможности навещает родню.

Живут они словно нелюдимы. Поначалу Амину это очень удивляло, но вскоре удивляться она перестала. Дом Исмаила находится в приличном отдалении от аула, на будто специально срезанной вершине горы. Вид, думала Амина, великолепный, теперь понимает – великолепный обзор. Подойти незамеченным невозможно, впрочем, к ним никто и не приходит. Вернее, мужчин бывает много, но это не гости, а скорее... соратники. И появляются они не из аула, а спускаются с гор. Вооружённые, угрюмые, опасные. Зарета и дети стараются быть как можно менее заметными, девушки превращаются в тени.

Амина поймала настороженный взгляд Аймани, но та сразу опустила глаза.

Какое красивое у неё лицо! Бледная кожа оттеняет большие миндалевидные тёмно-карие очи, опущенные длинными густыми ресницами, такими чёрными, что кажется, будто глаза подведены углем. Брови чёткой плавной дугой. Тонкий нос с трепетными нервными крыльями. Яркие алые губы и нежная беззащитная улыбка, образующая на щёчках ямочки. Эти ямочки такая неожиданность на её худом личике, что невольно в удивлении и восхищении непременно улыбнёшься в ответ. Аймани очень хрупкая, даже болезненно хрупкая. Движения её плавны, словно она старается сохранить силы, голос тихий журчащий, взгляд робкий застенчивый. Вся она олицетворение слабости и покорности, но это обманчивое впечатление. Аймани – дочь гордой независимой Зареты, которая, если и способна подчиняться, то только воле отца.

Амина закончила вымешивать тесто, разделала на равные части, скатала в шары, обваляла в муке, накрыла белой тканью, оставляя для расстойки, и подняла глаза на Зарету. У матери Аймани ястребиный взгляд, ничто не укроется от её внимания – ни настроение девочек, ни их намерения. Но если любимая дочь не вызывала у неё особых подозрений, то неугодная племянница, напротив, стала объектом неусыпного бдения. И Амина переняла у сестры манеру, выполнив очередную работу, смотреть в глаза Зареты, как бы отчитываясь и испрашивая разрешения перейти к следующему делу. Этот наивный приём усыплял бдительность женщины, придавая действиям девочек налёт беспрекословного послушания.

Вот и сейчас Зарета одобрительно кивнула и показала взглядом на плетеную чашу, накрытую куском материи. Амина едва сдержала улыбку, подхватила чашу и выпорхнула на воздух. Ей не нужно было поднимать ткань, чтобы узнать, что за ноша у неё в руках – две кукурузные лепёшки и бутыл с водой. Завтрак пленников. Пересекла двор и остановилась у сооружения, напоминающего колодец. Прислушалась. Усмехнулась. Спорят. Как всегда, вот уже больше двух месяцев. Изредка, когда младшие дети забирали всё внимание Зареты, а Исмаил был занят делами, Амине удавалось проскользнуть к их тюрьме, затаиться и слушать голоса, доносящиеся из ямы глухо, но достаточно разборчиво. Она успела многое об этих мужчинах узнать. И что-то понять о них и о себе.

Переложив еду в корзину, оглянулась, добавила маленький кожаный узелок с мазью, узкую свёрнутую полоску серой ткани для перевязки и стала опускать поклажу, медленно высвобождая верёвку. Говор смолк. По ослаблению натяжения Амина поняла, что корзина в руках пленников. Вот они забрали еду, вот вернули вчерашнюю бутыл, можно поднимать. Но мужчины не отпускали груз. Девушка склонилась над колодцем, услышала глухое спасибо, и верёвка ослабла. Достав и переложив бутыл в чашу, она устремилась в дом. Сегодня ей никак нельзя задерживаться, рискуя вызвать раздражение Зареты.

Илья быстро, но осторожно сменил повязку на ноге друга, отметив про себя, что рана уже не вызывает опасений, и хотя медленно, но затягивается. А всего две недели назад он был уверен, что помочь Егору уже не сможет и даже жалел, что вытащил его, тем самым обрекая на медленную мучительную смерть.

– Знаешь, о чём я подумал, – ухмыльнулся Егор, – а ведь мы с тобой героями скоро станем. У нас на школе мемориальная табличка висит: «Андрей Весёлкин... погиб, исполняя интернациональный долг»... Мы к ней цветы возлагали, слушали, каким этот самый Весёлкин был замечательным, и все как один мечтали сложить буйны головы «за» да «во имя». Вот и пожалуйста – мой черёд. Как только откину коньки, прилепят табличку, мигом забудут, сколько я нервов учителям помотал, и возведут в ранг героя. Как звучит! Егор Ермолин, погиб, защищая.... Напомни, кой мы тут защищали?

– Конституционную законность и попранные права чеченского народа.

– Во-во. Ребяшня языки повыворачивает, выговаривая эту муть.

– Не такая уж это и муть.

– Муть. Вся эта война полная тошнотворная муть. Мы за их права под пули, а они нас в колодец да в цепи, да в рабы, а то и ножом по горлу. Гниём здесь за здорово живёшь, а ради чего?! Ради чего, я тебя спрашиваю?! Ради какой такой великой миссии погибают наши пацаны?! А? Ведь расстреляли целую колонну танков, как детей. Как младенцев! И ведь не в первый раз! Ты вот всё твердишь, что иначе нельзя, что – тактика, что – стратегия. Так объясни мне, эт какому ж военному гению приходит навязчивая мысль бросить танки в уличные бои! А главное, где этот стратег теперь? Расстрелян вместе с Севкой и Мотыгой? Взорван с Лёхой? Сгорел заживо с Русилом? А может с нами гниёт? Нет? А где же тогда он? Где?

– Брось, Егор, на войне как на войне. Здесь у каждого своя правда, потому нет ни правых, ни виноватых. Все грешны, все убивают. А как иначе. Или ты, или тебя. А что по вине штабных генералов пацаны впустую гибнут, так то не новость.

– Вот если б не ты меня из горящего танка вытащил, разукрасил бы твою невозмутимую физиономию от души.

Илья разломил лепёшку и протянул половину Егору:

– Не кипятись. Какой смысл?

– А без смысла. Просто дал бы в морду – и все дела. Что б святого из себя не изображал.... Понять я тебя не могу, Илюха. Вот вроде свой парень. Не бросишь, не подставишь, спину прикроешь. Вижу, что страха в тебе нет, в бой идёшь, как на работу. Знаю, что и на гражданке не прогнёшься, не сломаешься. Короче, мужик. Уважаю. А вот, как заговоришь, так у меня кулаки чесаться начинают.

– Ну, давай помолчим.

Илья поднялся во весь свой богатырский рост, расправил плечи, упёрся ладонями в холодную земляную стену тюрьмы, запрокинул голову и замер, созерцая кусочек неба. Егор дождался лепёшку, запил водой. Закопал в землю маленькой импровизированной деревянной лопаточкой, сброшенной тройку недель назад тонкой девичьей рукой вместе с первой партией мази, пропитавшийся чем-то отвратным бинт и уставился в спину друга.

– Ну что там нового, – не выдержал он.

– Тяжела небесная твердь. Угрюма.... Что-то должно случиться.

– Что случится? Гроза. Ливень. Затопит нас тут по самое «не хочу».

– Может быть, – протянул Илья, медленно присаживаясь и продолжая думать о чём-то своём, – может быть.

Амина разогнула уставшую спину, присела на большой тёплый валун, с тоской взглянула вверх. Ветер разорвал облака и подметал небо, старательно сгоняя их к востоку. Неужели распогодится?! Какой ты неугомонный, ветер! Погулял бы лучше по долине, расчесал шерсть баранам, набрал сырости по ложбинам, напоил облака туманами, сбил их, сгрудил, чтоб отяжелели, нависли хмурыми тучами, а после разогнал бы свирепо всё живое по углам да расщелинам, и разверзлись бы небеса святым проклятием.

Со стороны усадьбы послышался деловитый шум – мужчины собираются в путь. Девушка поспешно вернулась к прерванному занятию и принялась выворачивать из цепкой целины камни и обломки разбитых валунов. Работа, прямо сказать, не женская, но Амина рада была хоть на время покинуть дом и почувствовать себя почти свободной.

Свобода. Здесь, в горах, где сам воздух пронизан первобытной вольностью, она, Амина, пленница, и темница её всё сжимается, лишая света и надежды.

Свобода. Сколько во имя её уже пролито крови, совершено жестокостей, подлостей и преступлений. А сколько ещё будет совершено, пока окончится эта бессмысленная война.... Как давно она идёт? Кто-то ведёт отсчёт чёрным дням с далёкого октября девяносто первого, когда Республика вдруг взалкала свободы. Кто-то открыл счёт в мрачный девяносто четвёртый, разорвавший страну в клочья и обративший вольную бурю в гражданскую войну.

А у Амины свой собственный счёт. Она отмеряет время потерями.

Первыми её покинули друзья. Амина прекрасно помнит тот день. Она бежала, что есть сил, по узкой незнакомой улице. Бежала, потому что за ней гнались. Гнались друзья, вернее те, кто были её друзьями ещё вчера. А сегодня она для них никто, ничто. Впрочем, нет, гораздо хуже, она – чужак, занявший место ему не принадлежащее. А всё почему? Потому что мама её – русская. До сих пор Амину мучает чувство жгучей детской обиды, затопившей душу чёрной волной. Боялась ли она? Нет, не боялась. Она ненавидела так же яростно, как и они. Увидела металлическую лестницу, ведущую в строящийся дом, и одним махом взлетела по ней. На площадке битый кирпич. Стала сбрасывать его на головы недавних товарищей, стараясь непременно попасть....

В тот неприкаянный день для неё началась война.

А папа не видел беды. Интеллигент и интеллектуал, волею случая попавший в политику, он находился в состоянии какой-то затянувшейся эйфории.

– Пойми, – убеждал он маму, – это время надо просто пережить. Беспорядки не будут долгими. Как только Россия признает суверенитет Чечни, начнутся грандиозные преобразования. Вот увидишь, свободный народ, получивший право самому распоряжаться национальными богатствами и выгодным положением, поднимет страну на совершенно новый уровень.

– Я не стану с тобой спорить, – отвечала мама, прижимая к себе дочь. – Если ты, историк по образованию, не понимаешь, что всё это сумасшествие не более чем утопия, то убедить тебя я не смогу. Прошу только об одном – отпусти меня с детьми в Москву, к родителям.

– Нет. Я не позволю увезти детей, тем более что ни им, ни тебе ничего не угрожает. Послушай, милая, всё успокоится, придёт в норму, надо только немного подождать. Конечно, то, что чеченское население подвергается гонениям, это нехорошо, но без перегибов не обошлось ни одно масштабное преобразование. Народ слегка опьянён свободой...

– Слегка опьянён?! – мама качнулась вперёд, выбрасывая гневные слова в лицо мужа. – Слегка опьянён! А ты знаешь, что у нас в больнице не хватает мест, что мы принимаем день и ночь пострадавших от этой вашей свободы. Что сегодня ночью я не могла оперировать, у меня дрожали руки, потому что на столе лежала четырнадцатилетняя девочка, которую жестоко насиловали несколько гордых горцев, тех самых, что безмерно уважают женщин...

– Прекрати. Да, это была тяжёлая ночь, но она прошла и не повторится. А что касается девочки, так разве в Москве такого не могло произойти? Подлецов везде хватает.

– Как ты можешь? Как ты можешь быть так спокоен? Откуда тебе знать, что ночь не повторится, и следующей жертвой не станет наша дочь?!

– Повторяю. Тебе и нашим детям ничто не угрожает. Хотя бы потому, что они чеченцы. Мама подтолкнула Амину к отцу, заставляя её поднять лицо.

– Чеченка! Посмотри в эти синие глаза, на пухлые губы, упрямый подбородок. Это лицо чеченки? Она вся в меня, твои только волосы. Ты думаешь, этого будет достаточно? Думаешь, свободные горцы поинтересуются её происхождением?

Амина чувствовала, как всё её существо захватывает ужас. Впервые она видела родителей в гневе. Чёрные глаза отца горели ненавистью, он свирепо сдвинул брови, и, казалось, готов ударить маму. Она же, вместо того, чтобы уступить, вся подалась навстречу, словно готовясь к броску, а в её удивительных ярко-синих глазах плясало пламя ярости.

Но ведь совсем недавно всё было иначе! Родители обожали друг друга. Оба стройные, высокие, они были очень красивой парой. Познакомились в Москве, в КВНе. Зураб заканчивал МГУ и участвовал в последней игре, а Валерия только поступила в Московскую медицинскую академию и была в команде соперников новичком. Влюбились с первого взгляда и с тех пор не расставались. Как только Валерия получила диплом, Зураб увёз её в Грозный. Родственники с обеих сторон были не довольны, но им пришлось смириться. Через год родилась Амина, ещё через шесть лет – Асхад. С годами и рождением детей красота Валерии не увядала, а будто только набирала силы. Амина очень гордилась мамой, потому что она не боялась быть не такой, как все. Носила очень короткую стрижку с длинной, придающей ей упрямый, но задорный вид, чёлкой. Очень стильные брючные костюмы, высокие каблуки, а вместо общепринятого золота – оригинальную бижутерию и натуральные камни. Пепельная блондинка с яркими синими глазами, бровями вразлёт, чувственными губами и упрямым подбородком, она больше походила на модель, чем на всеми уважаемого хирурга Центральной больницы. Амина помнит, как замер в восхищении отец, увидев маму в вечернем платье. Он пригласил своих девочек в ресторан, чтобы отпраздновать десятилетний юбилей со дня свадьбы. Сам нарядил дочь, заплёл косы, завязал банты, поднял на руки и уже ступил на лестницу, когда мама вышла из комнаты. Амина медленно сползла на пол из его ослабевших вдруг рук. Бирюзовый шёлк облегал гибкое тело Валерии, подчёркивая красоту её глаз и идеальность соблазнительной фигуры, и ниспадал длинным струящимся шлейфом от стройных бёдер. Упрямая чёлка преобразовалась в мягкие

локоны и обрамляла лицо, придавая ему вид нежный и романтический, а изящные длинные серьги покачивались и тускло мерцали, добавляя маме таинственности...

Они были так счастливы!

Минуло всего полтора года, и... война вошла в их семью.

Амина зажмурилась, сжала кулачки и закричала, стремясь во что бы то ни стало прогнать ярость из глаз родителей. Повисла тишина. Взглянула на отца – он опустил голову и отвернулся. На маму – она тихо улыбнулась и прижала дочь к себе. Разговор был окончен. Мама смирилась.

Егору передалось напряженное, неопределённое ожидание Ильи. Он попытался встать, разминая раненую ногу. Постоял, привалившись спиной к стене и привыкая к раскалённой спице, пронзившей тело до самой ступни. Попробовал шагнуть. Боль дикая, но в случае необходимости он сможет двигаться или, по крайней мере, встретит опасность стоя. Поднял лицо к тяжёлому небу, вслушиваясь в доносящийся сверху шум. Гортанные голоса мужчин его раздражали, тем более, что он не понимал ни слова, а очень хотелось знать, что сулит им их странное возбуждение.

– Думаешь, они нам сегодня глотки перережут в честь какого-нибудь праздника?

Илья задумчиво покачал головой. Он немного понимал местное наречие, но не так, чтобы быть совершенно уверенным в смысле услышанного.

– Не похоже. Кажется, им предстоит серьёзное дело. Что-то про священный джихад говорят, Буйнакск.... Причём здесь Буйнакск, он же, если мне не изменяет память, в Дагестане. Впрочем, я, возможно, что-то не так понял.

Илья усмехнулся:

– А ты о них, как о дикарях. Глотки... в честь праздника.... Человеческие жертвоприношения, знаешь ли, давно уже не в чести.

– А разве мы для них люди! – Егор передёрнул плечами, – Не понять мне, какого чёрта мы здесь делаем. Хотят они быть независимыми – и наплевать, пусть будут. На кой нам этот Кавказ.

– Так чего здесь не понять. В лицо России плюнули, а она должна утереться? Захотели отделиться, так сделайте, как люди, по-хорошему. Вон и Грузия, и Азербайджан, и другие республики всё сделали честь по чести. Плохо ли, хорошо ли, но живут себе, как желают. Сами наляпали, сами и исправляют. А Дудаев решил, что для него законы не писаны. Вот и результат. Да ещё наши мечтают: свой ведь народ – надо бы помягче, однако Конституция нарушена – требуется восстановить. А чего метаться-то. На то ты и власть, чтобы закону быть! Сразу бы не миндальничали, так и войны бы не было. А теперь уже надо идти до конца, иначе какое России уважение. Тем более что война уже гражданская. Сами чеченцы в своём большинстве так нахлебались этой криминальной свободы, что и вздохнуть не могут, вот и пошли друг на друга. А какой стране нужна гражданская война, да ещё на своих границах.

– Как у тебя чистенько выходит. Вроде всё оправдано. А как же ребята, что гибнут под ножами этих самых чеченцев, которых они же защищают?

– Они гибнут под ножами тех, с кем сражаются, а не тех, за кого сражаются. Я ж говорю – гражданская война.

Егор принялся рьяно разминать больную ногу, встал, опираясь о стену, сделал пару шагов, преодолевая боль, сел, так и не успокоившись:

– Гражданская, говоришь. Вот и пусть сами разбираются. Мы-то тут причём? Господи, как же глупо сдохнуть ни за что!

Илья снисходительно улыбнулся:

– Не кипятись ты, Егор. Господа вот вспомнил – и хорошо. Все мы для чего-то на этот свет пришли...

– Так может Сашок для того пришёл, чтобы ему брюхо вспороли! Может для того родился, чтобы взорвать себя вместе с гогочущими горцами! Да я тебя...

Егор яростно рванулся к Илье, но тот легко уклонился, и парень упал лицом в пол. Он молотил кулаками землю, выплёскивая ненависть и бессильную злобу, а душу его захватывало страшное желание убивать.

Илья переждал порыв ярости, и когда Егор затих, глухо заговорил:

– Ты пойми простую вещь: мир устроен так, как он устроен. И Бог, и Дьявол живут в душе каждого, будь то чеченец ли, русский ли, или, скажем, индус. И я ведь не сидя дома на печи так рассуждаю, а здесь с тобой. И друзей не меньше твоего потерял, и видел вещи пострашнее, чем просто смерть. А завтра, может, вместе с тобой под нож пойду. Знаешь, что головы не склоню и на колени не упаду. По мне, так умереть лучше, чем рабом стать. Только это ничего не меняет. Повторяю, все мы для чего-то пришли, все для чего-то оказались в это время в этом месте. Кто-то чтобы жить достойно, а кто-то чтобы достойно умереть. И это не красивые слова, а так оно и есть...

Амина перевернула корзину с камнями и замерла, наблюдая за паническим бегством напуганного жучка. Прошное не отпускало её...

Затем она потеряла маму.

Отец уже давно перестал грезить о свободе, был хмур и устал. Дома бывал редко. Брал на руки сына и задумчиво смотрел, как повзрослевшая дочь накрывает на стол. Мама сутками пропадала в больнице, и это его серьёзно беспокоило. Город серый и унылый, по-прежнему опасен. Безработный озлобившийся народ пробавляется грабежами. Грозный наводнён преступниками всех мастей, в том числе и скрывающимися от правосудия России. Наркобизнес процветает. Каждый второй мальчишка вооружён.

Вовсе не о такой свободе для своей страны мечтал Зураб. Он ошибся, страшно ошибся. Благородные лозунги вылились в разгул криминала и отсутствие даже видимости закона. Зураб ещё надеялся что-то изменить, но рассчитывать на благоразумие правящей верхушки не приходилось, и он перешёл в оппозицию. Однако чётко понимал, что движение это обречено, если не придёт помощь извне, а значит, все жертвы напрасны, более того, жертв сильно прибавится, так как гражданская война практически неизбежна. Он метался, ища выхода, и не находил его...

Новогоднюю ночь Амина и Асхад встречали одни. Мама была на дежурстве, отец... где отец они не знали. Амина уговаривала девятилетнего брата отправиться спать, а он капризничал, утверждая, что уже мужчина и женщина ему не указ.

Страшный грохот разорвал тишину. Дом вздрогнул, стёкла взорвались серебряным дождём, впиваясь острыми пиками во всё, что оказалось на их пути. Амине чудом удалось за мгновение до смертельного фейерверка упасть за диван, увлекая за собой брата. Ещё через секунду она уже одевала мальчика, беззвучно шепча что-то похожее на молитву.

Улица дрожала и щетинилась, огрызаясь шрапнелью каменных осколков. Соседний дом лизали языки пламени, и он медленно и мучительно умирал, выдыхая чёрный дым. Где-то совсем рядом один за другим гремели взрывы.

Девочку била нервная дрожь, она не решалась выйти из подъезда, который казался более безопасным местом, чем обезумевшая улица.

– Мама, – радостно закричал Асхад.

Валерия перебегала дорогу, по-прежнему уверенная и целеустремлённая. Амина сразу успокоилась, взяла брата за руку и шагнула навстречу маме.

– Скорее, дети, – выдохнула Валерия, – в бомбоубежище.

Они бежали, пригибаясь и прижимаясь к стенам, а вокруг что-то ухало, свистело, падало и взрывалось. Пахло гарью и страхом.

Асхад остановился, заставляя маму обернуться.

– Танки, – поражённо прошептал он.

И действительно, с перекрёстка поворачивали грозные машины, вытягиваясь в длинный хвост и направляясь прямо на них.

Валерия потянула детей, стремясь как можно быстрее покинуть опасное место, но в этот момент из окон высоток по колонне обрушился шквальный огонь, отрезая от неё пехоту. Солдаты падали, не успев сделать ни выстрела, танки хищно водили дулами и вздрагивали, выплёвывая снаряды и огонь. Ад опустился на землю, пожирая всё живое.

Мама толкнула детей к переулку и взмахнула руками, словно воздев их к небесам. По плечу, груди и животу быстро разливались багровые пятна. Она медленно, очень медленно, оседала, а руки её всё ещё о чём-то просили безмолвных равнодушных богов.

– Уходите, – кричал, укрываясь за гусеницами танка молодой солдат.

– Уходите, – резким движением руки приказывал мужчина из окна напротив.

– Уходите, – шептали губы матери.

– Простите, – молили синие глаза...

Шум наверху затих. Мужчины ушли. Вот так. Несмотря на пророчество боголюбца, ничего не произошло. Егор хмуро взглянул на Илью. Тот сидел, прикрыв глаза и опустив голову. Спит, что ли?

– Что-то наш синеглазый Ангел не появляется, – пробормотал Илья.

– С чего ты взял, что она ангел? – тут же вскипел Егор, – И почему синеглазый?

– Ангел, потому что ты всё ещё жив благодаря её мази, – не поднимая век, терпеливо и нудно растолковывал Илья, – а синеглазый, потому что синеглазый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.